

RU

Лингвокультурологическая характеристика образа матери
в романе Дж. Стейнбека “The Grapes of Wrath”

Коваленко Г. Ф.

Аннотация. Настоящая работа посвящена лингвокультурологическому анализу образа матери в произведении американского писателя Дж. Стейнбека «Гроздь гнева». Цель исследования – обоснование национально-культурной специфики образа матери в исследуемом романе. Научная новизна работы заключается в том, что впервые образ матери, к которому неоднократно обращались исследователи, рассматривается в лингвокультурологическом аспекте. В работе рассмотрены понятия «культура», «художественный образ», изучены задачи и особенности лингвокультурологического подхода к интерпретации художественного текста. Особое внимание уделено анализу лексики с четко выраженной национальной окраской; языковых единиц, отражающих религиозность матери и чувство гордости за своих предков и за свой народ; особенностей американского просторечия и диалектных особенностей жителей южных штатов. В работе описаны совокупности смыслов, культурных ассоциаций, заложенных в них. Полученные результаты показали, что выявленные языковые единицы имеют отношение к этнокультурному пространству, к духовной и материальной реальности поколения разорившихся американских фермеров 1930-х годов, ярким представителем которых выступает мать.

EN

The image of the mother in John Steinbeck’s novel “The Grapes of Wrath”
in a linguocultural aspect

G. F. Kovalenko

Abstract. The study is devoted to a linguocultural analysis of the image of the mother in the novel “The Grapes of Wrath” by the American writer John Steinbeck. The research aims to substantiate the national and cultural specificity of the maternal image in the novel under study. The scientific originality of the study lies in the linguocultural approach to the image of the mother in this novel, previously not represented in linguistic research. The notions of “culture”, “artistic image”, and the tasks and peculiarities of linguocultural analysis of the text are studied. Particular attention is paid to the analysis of vocabulary with distinct national coloring; linguistic units reflecting the mother’s religiosity and her sense of pride in her ancestors and her people; and the features of American vernacular and the Southern dialects of the United States. The paper describes a set of meanings and cultural associations embedded in them. The research findings show that the revealed language means relate to the ethnocultural space, spiritual and material realities of the generation of American impoverished farmers of the 1930s, of whom the mother is a prominent representative.

Введение

Женские образы – часть культуры любого народа, и поэтому концепт «женщина» выступает одним из самых важных концептов в языковой картине мира. В последнее десятилетие появляются работы, посвященные лингвокультурологическому аспекту концепта «женщина» и его репрезентации в лингвистике и литературоведении (Кацитадзе, Жарина, 2023).

Важное место как в классической, так и в современной литературе занимает образ женщины-матери. Как отмечает Н. Н. Николина (2025), в современной зарубежной литературе речь идет скорее об образе плохой матери или о неоднозначности образа хорошей матери.

В противовес современной зарубежной литературе, в романах двадцатого века многие писатели стремились донести до читателя главные черты положительного образа матери – доброту, заботу и вечную тревогу за судьбы своих детей. Одним из таких произведений является роман Джона Стейнбека «Гроздь гнева», написанный в 1939 году и послуживший материалом исследования.

Актуальность данной работы обусловлена рядом факторов. Острая необходимость обратиться к образу хорошей матери, репрезентированному в романе Джона Стейнбека, возникает в связи с тем, что начиная с 1980-х годов в современной зарубежной (англоязычной и западной) литературе отмечается «разрушение образа матери», обусловленное во многом «тенденцией противопоставления и/или отрицания идеалов прошлого», характерных для постмодернизма (Сайфулина, 2017, с. 207). Кроме того, это произведение, как справедливо отмечает М. Жук (2024), и сегодня «звучит по-прежнему мощно и яростно», так как социальные и этические проблемы, поднятые автором, не потеряли своей актуальности и в наши дни. В этом отношении следует напомнить слова М. Л. Гаспарова (1999): «Каждая эпоха пересматривает классиков с собственной точки зрения, применительно к своим запросам и потребностям». На современном этапе изучение национально-культурной специфики языковых выражений, характеризующих личность человека, представляется важным для понимания социального статуса индивида, системы его ценностей и приоритетов, иными словами, его принадлежности к определенной категории социальной структуры общества.

Материалом данного исследования послужил роман Дж. Стейнбека «Гроздь гнева» (1978) и текст его перевода, выполненный Н. Волжиной (2022). В ходе лингвокультурологического анализа также использовались лексикографические источники: лингвострановедческий словарь (Томахин, 2001) и толковый словарь Cambridge Dictionary of American English (CDAE) (2000). Кроме того, мы обращались к материалам из интернет-источников, посвященным цитатам из Библии, к Библейскому словарю, а также к публикациям о кофейных традициях и реалиях быта в США.

Действие романа «Гроздь гнева» происходит во времена Великой экономической депрессии в США в 1930-е годы. Засуха и разорение заставляют семью фермеров-арендаторов Джоудов покинуть свой дом в Оклахоме. Как и десятки тысяч таких же семей, они распродают имущество и отправляются через всю Америку в Калифорнию на поиск средств к существованию (Злобин, 1978). На протяжении всего романа на фоне трагических событий выделяется образ матери, воплощающий в себе, по словам О. Ю. Осьмухиной (2018), жизненную силу материнства, при этом мать становится олицетворением жизненных и нравственных сил не просто отдельного человека, но огромной страны.

К образу матери, репрезентированному в романе «Гроздь гнева», обращались многие исследователи. Так, Т. Ю. Павельева и А. А. Бурова (2024) анализируют языковые средства создания образа матери. О. Н. Тихонова (2012), рассматривая концепт «семья» отмечает, что в представлении Дж. Стейнбека данный концепт напрямую соотносится с образом матери. В романе мать ассоциируется с силой, оплотом семьи, хранительницей домашнего очага (Тихонова, 2012). Исследуя проблемы человека в романе «Гроздь гнева», О. Ю. Осьмухина (2018) характеризует образ матери как символ любви и доброты, описывает мать как человека, для которого забота о других проявляется на инстинктивном уровне, как женщину, полную пронизательности и обладающую замечательной интуицией. Анализ работ, посвященных образу матери в романе «Гроздь гнева», показывает, что исследования преследуют главную цель – раскрыть ключевые аспекты образа матери: ее стойкость и выносливость, ее заботу о детях и способность поддержать дух семьи в моменты отчаяния.

На наш взгляд, интересный материал дает наблюдение за образом матери в романе с точки зрения его национально-культурной специфики. Поставленная в данной работе цель определила необходимость решения ряда задач: проанализировать работы отечественных ученых, посвященные образу матери в романе «Гроздь гнева»; изучить особенности лингвокультурологического подхода к исследованию художественного текста; выявить в исследуемом романе языковые средства, отражающие духовную и материальную культуру поколения разорившихся американских фермеров, представителем которых является мать в романе «Гроздь гнева»; изучить словесный образ матери; через выявление культурного кода языковых единиц определить систему ценностей поколения американцев, описываемых в романе, и «проникнуть» в их быт.

Теоретическую основу исследования составляют работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные теории художественного текста и его пониманию как феномена культуры (Барт, 1994; 1999; Гадамер, 1991; Задорнова, 1984; Лотман, 1970; 1999; Михайлов, 2006; Карпухина, 2006; Frye, 1973; Jameson, 1981); исследования по лингвокультурологии (Ощепкова, 2004; Телия, 1986; Томахин, 2001) и лингвокультурологическому анализу текста, который способствует формированию умения размышлять над языковыми единицами – маркерами определенного культурного кода (Беценко, 2021; Ворожkevич, Казанникова, 2016; Рябченко, Санькова, 2020; Щербашина, Уракова, Жажева и др., 2022). К работе также привлекались труды О. Ю. Осьмухиной (2018), О. Н. Тихоновой (2012), Т. Ю. Павельевой и А. А. Буровой (2024), в которых анализируются языковые средства создания образа матери и его ключевые качества. Эти труды легли в основу работы со смыслами текста и экстралингвистическими факторами раскрытия взаимосвязи языка и культуры в романе «Гроздь гнева» и интерпретации этого взаимодействия.

Цель и задачи работы определили выбор методов исследования: метод лингвокультурологического анализа при интерпретации языковых средств, обладающих «памятью культуры»; метод дефиниционного анализа для выявления культурного компонента, заложенного в значении языковых единиц; метод компонентного анализа при определении сем в значении слова, позволяющий отнести лексическую единицу к определенной тематической группе; описательный метод при раскрытии совокупности смыслов, культурных ассоциаций, заложенных в маркерах лингвокультурологической специфики интерпретации образа матери.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в дальнейшем при анализе художественных произведений, а также на практических занятиях по теории и истории зарубежной литературы филологических специальностей в вузах.

Обсуждение и результаты

По словам Р. Барта, текст – это «переплетение разных голосов, многочисленных кодов, одновременно перепутанных» (1994, с. 412). Будучи многомерным явлением, в котором одновременно разворачиваются разные смысловые коды, текст допускает различные подходы в его толковании. Барт (1999) отмечает, что можно распутывать клубок, взявшись за любую нить, опираясь на любые знаки-узелки. Как справедливо подчеркивает Х. Г. Гадамер (1991), понимание художественного произведения представляет собой сложную герменевтическую проблему, в которой переплетаются разные аспекты.

Одним из подходов к изучению художественного текста является лингвокультурологический анализ, т. е. рассмотрение текста как феномена культуры и восприятие культурной информации в языковом знаке и тексте в целом. Под культурой мы вслед за Т. С. Самохиной (2005, с. 10) понимаем совокупность знаний, законов и норм, которые используются для интерпретации жизненного опыта и формирования норм социального поведения. Поскольку текст является, по словам исследователей, «хранилищем идей, смыслов и констант культуры» (Ворошкевич, Казанникова, 2016), лингвокультурологический анализ способствует формированию умения размышлять над языковыми и речевыми единицами, содержащими культурную информацию. К критериям специфики национальной культуры, как считают исследователи, можно отнести следующие параметры: отношение людей к самим себе и к другим; отношение людей к окружающему миру; индивидуализм или коллективизм; временное измерение; социальное и личное пространство (Luthans, Dianne, 1993, p. 746).

Приступая к знакомству с произведением словесного искусства, читатель прежде всего сталкивается с языковой материей, со словом. Как справедливо отмечает Т. П. Беценко (2021), лингвокультурологический потенциал текста проявляется в языковых средствах, несущих в себе культурный код, а также в культурных ассоциациях – в связи образа с историческими событиями, мифологией, традициями, особенностями национального характера. По словам исследователя, лингвокультурологический анализ художественного текста предполагает выявление «разноуровневых языковых единиц, непосредственно указывающих на народно-языковую, лингвоэтническую, страноведческую среду (источник) их возникновения и существования», рассмотрение «языковых средств обозначения этнической действительности, имеющих четко выраженную национальную окраску, ориентирующих на этноидентификацию воспроизводимых реалий и служащих маркерами национальной картины мира»; установление «культурной (народоведческой) семантики разноуровневых лингвоединиц и их соотносительности с определенным этносом»; выяснение «народоведческого характера сообщаемой в тексте информации»; а также поиск и описание «особенностей реализации в тексте ментальности говорящего или автора» (Беценко, 2021, с. 14-21).

Основным объектом лингвокультурологического анализа, по словам исследователей, является выявление взаимосвязи языка и культуры и интерпретация этого взаимодействия, восприятие культурно-этнической информации, заключенной в тексте, в языковом знаке, в слове (Щербашина, Уракова, Жажева и др., 2022). Лингвокультурологический анализ художественного текста направлен на определение и характеристику языковых единиц, которые имеют отношение к этнокультурному пространству, к духовной и материальной реальности народа и являются специфическим признаком этого народа, имеют народно-языковой колорит и создают культурный фон текста (Щербашина, Уракова, Жажева и др., 2022, с. 150). Именно лингвокультурологический анализ текста позволяет ответить на вопросы, связанные с тем, как язык отражает национальное сознание народа, каким образом факты действительности преломляются через менталитет нации и отображаются в языке.

Поскольку художественный текст отражает культурные реалии определенной эпохи и сам является произведением культуры, лингвокультурологический анализ художественного текста, по мнению ученых, требует работы со смыслами текста и экстралингвистическими факторами, что создает условия для осознания текста как носителя и выразителя национальной и общечеловеческой культуры (Рябченко, Санькова, 2020, с. 202-206).

Лингвокультурологический анализ текста соответствует центростремительному направлению в понимании текста, которое, по словам Н. Фрайа, возвращает читателя из художественного мира в мир реальной жизни (Frye, 1973, p. 73). В терминах филологической герменевтики процесс интерпретации текста в лингвокультурологическом аспекте можно описать как процесс его контекстуализации, который В. Я. Задорнова (1984) понимает как переход от «узкого» контекста, не выходящего за рамки структуры данного текста, к «широкому» – фоновым знаниям филологического характера, не выводимым из него непосредственно. «Семантическое» обогащение и расширение поверхностной структуры текста, происходящее в процессе увязывания текста с различными аспектами человеческой истории, Ф. Джеймсон (Jameson, 1981, p. 75) рассматривает как интерпретацию текста, которая, по словам Ю. М. Лотмана (1970, с. 122), предполагает поиск информации за скобками, или поиск «упущенной» информации, которая является более важной, нежели эксплицированная.

Т. П. Карпухина справедливо отмечает: «Завершив произведение, автор передает читателю в руки письмо, в котором не только создан вымышленный мир, но и дан ключ, открывающий путь к нему, оставив нам письменное слово – зарубки, знаки, указывающие на герменевтические тропинки в лабиринте смысла» (2006, с. 311). По словам Н. Н. Михайлова, «конструирование символического подтекста – есть конструирование “вторичного” текста, который пронизывает первичный, выходя на поверхность в некоторых точках, называемых “симптоматическими” – через коннотации, акцентирование или недомолвки, которые читатели могут эксплицировать» (2006, с. 204).

В нашем случае преобразованием, раскрывающим смысл произведения, является, выражаясь образно, вытягивание из его словесной ткани нитей, протянутых через весь текст в виде лингвокультурологических маркеров художественного образа матери.

Под художественным образом, вслед за С. В. Шамякиной, мы понимаем некую «определяющую смысл литературного произведения структуру, накладывающую определенный отпечаток на остальные элементы и уровни текста, с которыми она взаимодействует (в том числе на язык)» (2022, с. 7). Образ-персонаж – «действующее лицо литературного произведения, имеющее собственную личность и способное совершать самостоятельные и осознанные действия, поступки, влияя на развитие сюжета» (Шамякина, 2022, с. 8), исследователь относит к одушевленным образам, представляющим различные способы и формы описания живых существ либо объектов и явлений, которые в литературном произведении характеризуются как мыслящие, чувствующие, действующие, персонифицированные (Шамякина, 2022). Как справедливо отмечают исследователи, художественный образ позволяет обобщить и постигать явления самой действительности и внутренний мир человека, поскольку образ лежит в основе образного моделирования мира, которое, вкупе с эстетическим применением языковых средств, соотносится с художественным сознанием эпохи (Храпченко, 1986; Луговской, 2011).

Перейдем к материалу исследования и предпримем попытку выявить, как социальная и культурная жизнь эпохи, описываемой в романе «Гроздь гнева», отразилась в образе матери. К лингвокультурологическим маркерам данного художественного образа в произведении, несомненно, следует отнести языковые средства реализации в тексте ментальности матери, указывающие на ее духовные установки и образ мыслей как представителя поколения американцев, нестигаемость духа которых в эпоху депрессии 1930-х годов в США во многом объясняется верой в помощь высших сил.

По словам Г. Л. Цигвинцевой (2014), следование религиозным ориентирам – это один из способов проявления ментальности, ее доминанта. Яркие выразители культуры русского религиозного ренессанса – Д. Мережковский, М. Гершензон и В. Иванов, – говоря о соотношении культуры и личности, рассматривали религию как неотъемлемую составляющую человеческого мира, прочный источник его системы ценностей (Дудек, 2014, с. 223).

А. В. Кремнева, исследуя специфику библейского мифа в произведениях Дж. Стейнбека, отмечает: «Человек рассматривается Стейнбеком как религиозное создание, испытывающее постоянную потребность в религии» (2017, с. 244). Обратимся к текстовому фрагменту романа, в котором женщина пытается убедить мать в том, что необходимо провести определенный религиозный обряд в связи с предсмертным состоянием бабушки: *The woman turned to Ma <...> “A dear soul gonna join her Jesus”, she said. <...> Ma said, “No. <...> She’s too tar’s.” The woman looked reproachfully at Ma. “Ain’t you belivers, ma’am?” “We always been Holiness,” Ma said (Steinbeck, 1978, p. 226).* / Женщина посмотрела на мать <...> «Душа просится к Господу», – сказала она. <...> «Нет. Она слишком устала». Женщина укоризненно посмотрела на мать. «Вы неверующая, мэм?» «Нет, мы люди набожные», – ответила мать (Стейнбек, 2022, с. 278). Лексическая единица *holiness*, образованная от прилагательного *holy* (*holy – considered to be pure or good because of being related to what a religion values* (CDAE) / *holy – святой; личность, которая чтится за святость и стойкое исповедание веры* (здесь и далее перевод словарных дефиниций выполнен автором статьи. – Г. К.)), указывает на религиозность матери, характерную для жителей штата Оклахома. В. В. Ощепкова отмечает, что в фермерских семьях южной части Среднего Запада Библия до сих пор остается настольной книгой (Ощепкова, 2004, с. 311–312). Подтверждением тому, что религия по-прежнему занимает важное место в жизни жителей штата, является тот факт, что Оклахома-сити – центр региона, известного как «библейский пояс» (*Bible Belt* = регион США, где сильны традиции протестантского фундаментализма) (Томахин, 2001).

О религиозности матери свидетельствует также выбор библейского имени *Rosasharm* для дочери: *Her mouth loved the name of her daughter. “You’re gonna have a baby, Rosasharm, and that’s somepin to you lonely and away” (Steinbeck, 1978, p. 225).* / Ее губы любовно произносили имя дочери. «Придет тебе время рожать, Роза Сарона, и ты будешь думать, что весь мир где-то далеко, а ты одна» (Стейнбек, 2022, с. 276). В комментарии В. А. Кухаренко к произведению Стейнбека находим: *Rosasharm* (= *Rose Sharon*) – Роза Сарона, – библейское имя, с которого начинается глава II книги Ветхого Завета, «песнь песней Соломона» (Кухаренко, 1978, с. 493). Иисус сам был розой Сарона: «Я хочу, чтобы вы жили в Розе Саронской моего сердца» (Библия онлайн...). Библейские имена собственные, как отмечает А. В. Кремнева (2017, с. 263), хранятся в интертекстуальном тезаурусе лингвокультурного социума как носители определенных качеств. Этим, на наш взгляд, объясняется выбор матерью библейского имени для своей дочери. Роман завершается символической сценой: спасаясь от наводнения, семья укрывается в сарае, где Роза Сарона спасает умирающего от голода человека, выполнив то, что предназначено ее именем.

Мать верит в помощь Всевышнего и благодарит его за любую малейшую удачу: *She closed her eyes. “Thank God”, she said. “Oh! Thank God!” (Steinbeck, 1978, p. 102).* / «Слава Богу», – сказала она. «Слава Богу!» (Стейнбек, 2022, с. 98). *“Thank the dear God for that”, Ma said (Steinbeck, 1978, p. 209).* / «Слава Господу Богу», – сказала мать (Стейнбек, 2022, с. 253). Она молится, чтобы семья скорее добралась до Калифорнии: *“I pray God we gonna get some res’. I pray Jesus we gonna lay down in a nice place” (Steinbeck, 1978, p. 232).* / «Дай нам бог отдохнуть поскорее. Дай нам, Господь, скорее подыскать себе хорошее местечко» (Стейнбек, 2022, с. 286). Оказавшись в лагере Гувервилль для беженцев, она восклицает: *“Praise God, we come home to our own people” (Steinbeck, 1978, p. 315).* / «Слава Господу, наконец-то мы среди своих людей, как дома!» (Стейнбек, 2022, с. 410).

В толковом словаре находим: *You say “Thank God” to express happiness that something bad has been avoided or has finished* [CDAE]. / Мы говорим «Слава Богу», чтобы выразить радость по поводу того, что удалось избежать

чего-либо плохого или что плохое осталось позади (перевод выполнен автором статьи. – Г. К.). Повтор лексических единиц *thank* (= *to express appreciation to someone for something they have done* / благодарить – выражать признательность за сделанное добро) и *pray* (= *to speak to God to express thanks or to ask for help* (CDAE)) / молиться – обращаться к Богу с благодарностью или просить его о помощи) тематической группы «благодарность» свидетельствует о том, что мать как истинно верующий человек фокусирует внимание на чем-то хорошем, укрепляя себя и свою семью в позитивном настрое.

Проявлением святости и благочестия матери является одно из ее достойных качеств – терпение: *Ma raised her eyes to the girl's face. Ma's eyes were patient* (Steinbeck, 1978, p. 225). / Мать подняла на нее глаза. Взгляд у матери был **терпеливый** (Стейнбек, 2022, с. 276). “Easy”, she said. “You got to have **patience**. Why, Tom – us people will go on livin’” (Steinbeck, 1978, p. 291). / «Успокойся, – повторяла она. – Наберись терпения. Ведь мы будем жить» (Стейнбек, 2022, с. 374). Обратимся к толковому словарю: *patience* – *the ability to accept suffering without complaining or becoming angry* (CDAE) / терпение – способность принимать страдания без жалоб и без злости. Терпение – это христианская добродетель, характеризующаяся смиренным отношением к скорбям и испытаниям, попускаемым Богом. Терпение тесно связано с верой, надеждой и любовью и считается необходимым для духовного роста и спасения. Например, в Евангелии от Луки говорится: «Терпением вашим спасайте души ваши», «претерпевший до конца спасется» (Библия о терпении...; Терпение – Слово Божие...).

Мать постоянно призывает семью не отчаиваться, вспоминая слова своего отца: “*My pa used to say, ‘anybody can break down. It takes a man not to.’ We always try to hold on*” (Steinbeck, 1978, p. 162). / Мой отец говорил: «**Отчаяться каждый может. А вот чтобы совладать с собой, нужно быть человеком. Все мы крепимся**» (Стейнбек, 2022, с. 186). Обратимся к толковому словарю: *break down* – *become very upset* (CDAE) / сломаться, не выдерживать, огорчиться, расстроиться. Лексическая единица имеет оценочную и эмоциональную коннотации, поскольку выражает оценку и эмоциональное состояние отчаявшегося человека, потерявшего веру в будущее и чувствующего себя беспомощным. Унаследовав от родителей отношение к отчаянию как признаку безысходности и слабости (Отчаяние, 1997), мать всеми силами старается привить своим детям библейское отношение к душевному состоянию безнадежности и не предаваться отчаянию: *We always try to hold on (to hold on – to continue doing something or staying somewhere although it is difficult or unpleasant to do so* (CDAE)) / **держаться, не сдаваться, продолжать делать что-либо или находиться где-либо, даже если это трудно делать.**

К языковым единицам, непосредственно указывающим на особенности реализации в тексте ментальности матери, следует также отнести фразы *my country* и *where I come from*, которые она произносит с гордостью в разговоре с грубым полицейским в Калифорнии, назвавшим их обидным словом *Okies*: *Mister, <...> you got a tin button an’ a gun. Where I come from, you keep your voice down. <...> in my country you watch your tongue* (Steinbeck, 1978, p. 229). / «Мистер, – сказала она. – У вас форменная фуражка и револьвер. Такие **в наших краях** кричать не смеют». <...> «**В наших местах** такие, как ты, язык за зубами держат» (Стейнбек, 2022, с. 282).

Словосочетания *in my country* и *where I come from* ориентируют читателя на информацию о существовавших различиях в системах отношений между представителями власти и людьми в штатах Оклахома и Калифорния. В истории штата Оклахома обращает на себя внимание тот факт, что до покупки Луизианы, в результате которой Оклахома была приобретена США, она была известна как «Индийская территория». После переселения туда «пяти цивилизованных племен» (чероки, чокто, чикасо, крик и семинолов) в 1828-1846 гг. Оклахома получила статус территории. Как штат Оклахома вошла в состав США только в 1907 году (Томахин, 2001). Исторический факт, свидетельствующий о том, что территория Оклахомы не была завоевана, а была выкуплена США, способствовал формированию у жителей штата чувства гордости и собственного достоинства. Подтверждением этому являются слова матери о жителях своего штата.

По мнению Ю. М. Лотмана (1999, с. 296), человек, погруженный в культурное пространство, впитывает его идейные представления. Исследователь отмечает, что большую устойчивость в истории различных культур обнаруживает архаическая модель сознания, связанная с противопоставлением «дома» (своего пространства) и «антидома» (чужого пространства) (Лотман, 1999, с. 264). В романе «Гроздь гнева» тема дома является одним из идейных фокусов, она вбирает в себя мысли о культурных традициях, истории, гуманности. В представлении матери дом противопоставляется чужому пространству, которое становится для нее и семьи, выражаясь словами Ю. М. Лотмана, «сосредоточием аномального мира» (1999, с. 266). Оказавшись на территории чужого штата, семья сталкивается не только с бездушным отношением к переселенцам, но и с потерей близких, с проблемами найти работу, с полуголодным существованием. Однако, несмотря ни на какие трудности, мать не теряет чувства собственного достоинства и гордости за свой штат и свою семью.

В разговоре с дочерью она замечает: “*We’re Joads. We don’t look up to nobody. Grampa’s grampa, he fit in the Revolution*” (Steinbeck, 1978, p. 315). / «Мы Джоуды. Мы **ни перед кем на задних лапках не ходили**. Дед нашего деду сражался во время **Революции**» (Стейнбек, 2022, с. 410). Фраза *We don’t look up to nobody (don’t look up to (= not to admire and respect someone) / не восхищаться кем-либо, не брать пример с кого-либо* (CDAE)) в данном контексте выполняет эмоционально-выделительную и оценочно-характеризующую функции, акцентируя внимание на эмоциях и настроении матери и выражая ее отношение к предмету речи. Мать гордится причастностью своей семьи к значимому для всех американцев событию – *Revolutionary War*, Войне за независимость США (1775-1783), закончившейся подписанием Парижского договора, в котором Англия признавала независимость Соединенных Штатов (Томахин, 2001). Историческая языковая реальность *the Revolution* имеет национально-культурную семантику и дополняет образ матери как человека, испытывающего гордость за своих предков и за их участие в Войне

за независимость, которая привела к образованию независимого государства и закрепила в американской культуре идеалы свободы. Созидательную роль памяти как способа существования культуры отмечал Вячеслав Иванов, называя культуру «живой сокровищницей даров» (Цит. по: Дудек, 2014).

В репрезентации образа матери в романе используются языковые средства, соотносённые с народно-языковым колоритом и обеспечивающие воспроизведение национальной картины мира. Одним из таких средств является прозвище *Okies*. Обратимся к текстовому фрагменту, повествующему о реакции матери на обидное прозвище: *"Tom, this here policeman – he called us – Okies. He says, 'We don' want you goddaman Okies settlin' down'" <...> I nearly hit 'im with a skillet* (Steinbeck, 1978, p. 231). / *Том, этот полисмен... он обозвал нас... Оки. Говорит: «Мы не позволим тут всяким Оки задерживаться». <...> Я его чуть сковородой не огрела* (Стейнбек, 2022, с. 284). В лингвострановедческом словаре находим: *Okie* – странствующий сельскохозяйственный рабочий (преимущественно из Оклахомы); необразованный человек, деревенщина (Томахин, 2001). Из текста романа читатель извлекает дополнительную информацию о коннотации слова: *Well, Okie use' ta mean you was from Oklahoma. Now it means you're a dirty son-of-a-bitch. Okie means you're scum* (Steinbeck, 1978, p. 221). / *Раньше означало – «оклахомец». А теперь – просто «сукин сын». Что Оки, что бродяга – все равно* (Стейнбек, 2022, с. 270). Лексическая единица *Okies* имеет культурную коннотацию, под которой В. Н. Телия понимает «интерпретацию денотативного аспекта значения в категориях культуры» (1996, с. 214). Прозвище *Okies* основано на метонимическом переносе «штат – жители».

Как справедливо отмечает Е. В. Беляева (2002, с. 18), ценностные стороны культуры проявляются во многих аспектах жизни человека, одним из которых является мораль – правила поведения: по отношению к другим людям, к обществу и к самому себе. В прозвище жителей Оклахомы *Okies* раскрывается нарушение нравственных требований по отношению к человеку – презрительно-высокомерное, неуважительное отношение к переселенцам. Презрение и пренебрежение к ближнему является нарушением евангельских заповедей (Цветник духовный..., 2003). Поскольку мать свято следует этим заповедям, их нарушение вызывает у нее обиду и гнев.

На соотносённость образа матери с определенной эпохой указывают языковые единицы, связанные с дорогой. В американской жизни дорога открывала новые возможности, обещала удачу и счастье. Федеральная дорога № 66 (*Highway-66*) – магистраль, тянувшаяся от Миссисипи до Колорадо и дальше, через пустыню, в долины Калифорнии. Семья Джоудов вливается в людской поток, устремившийся по этой дороге в поисках работы и жилья, осознавая, что им предстоит нелегкий путь: *We got a long bitter road ahead* (Steinbeck, 1978, p. 188). / *Дорога у нас еще длинная, мы еще хватим горя* (Стейнбек, 2022, с. 223). В толковом словаре находим: *bitter* – *showing or causing anger and pain* (CDAE). / *горечь – гнетущее чувство, вызванное обидой, разочарованием*. Дефиниционный анализ лексической единицы *bitter* позволяет выделить семы *anger* / *гнев*; *pain* / *боль*, *страдание*, *мучение* и отнести слово *bitter* к семантическому полю *burden* / *бремя* (= *a duty that is hard to bear*; *hard* – *difficult, severe*; *severe* – *causing great pain, difficulty* (CDAE) / *бремя – тяжелая ноша, что-либо обременительное, тягостное*) и провести ассоциативную параллель «дорога для матери – бремя». Ассоциация дороги с бременем также репрезентирована в романе в словах матери о потерях: *"All the time we was a-movin'an'shovin', I never thought none. An' now <...> I go right back over the sad things – that night Grandpa died <...> An' Granma – an' Noah walkin' away like that! <...> and Connie sneakin' away* (Steinbeck, 1978, p. 330). / *Сколько времени мы были в дороге и мыкались, я ни разу не задумалась. А что я теперь делаю? <...> Вспоминаю все самое грустное: ту ночь, когда умер дед <...>. Бабка ... Ной ушел. Взял да и ушел! <...> Конни взял да улизнул!* (Стейнбек, 2022, с. 432). Ассоциативную соотносённость дороги с бременем в данном контексте отражают также лексические единицы с негативной коннотацией *sad* – *very bad or regrettable* / *печальный, горестный*; *die* – *to stop living* / *умереть*; *walk away* – *to leave an event before it is finished because you are not enjoying it or because you don't agree with it* / *уйти прочь раньше времени*; *sneak away* – *to go secretly* (CDAE). / *улизнуть*.

В разговоре с сыном мать признается, что ей немного страшно ехать на новое место: *"Ain't you scared it won't be nice like we thought?" <...> "A little", she said. <...>* (Steinbeck, 1978, p. 146). / *«Тебе не страшно ехать на новое место?» <...> «Немного страшно», – ответила она* (Стейнбек, 2022, с. 161). Дорога в сознании матери ассоциируется с неизвестностью, что заставляет ее бояться того, что она не может предсказать. Лексическая единица *scared* (*to scare* – *to feel frightened* (CDAE) / *быть напуганным*) в словах матери репрезентирует чувство страха, выполняя эмоционально-выделительную функцию. В следующих высказываниях матери отражена ассоциация «дорога – единственный шанс на удачу и лучшее будущее»: *"Wanta get where it's rich an' green. Wanta get there quick"* (Steinbeck, 1978, p. 209). / *Поскорее бы туда, где приволье, где все новое. Поскорее бы доехать*. Лексика с положительной коннотацией выражает соотносённость дороги с надеждой матери на то, что на желанной земле Калифорнии все образуется: *rich* (= *having a large amount of something desirable or valuable* (CDAE) / *богатый, сытый, изобилующий*); *green* (= *not experienced* (CDAE) / *новый*); *want* (= *to feel that you would like something to happen* (CDAE). / *испытывать желание получить что-либо*.

Путь Джоудов из Оклахомы в Калифорнию, как отмечает Г. П. Злобин, «измеряется тысячами миль, что пролегли через поселки, прерии, города, реки и пустыни. Он также измеряется утратами и потерями» (1978, с. 23), пережить которые помогает нестигаемость духа матери как сильной представительницы поколения разорившихся фермеров, устремившихся на Запад, на желанную землю Калифорнии, где они надеялись и найти работу, и обрести свой дом. Стойкость духа матери проявляется в ее самопожертвовании: пока они не пересекли пустыню, она не сообщает семье о смерти бабушки и проводит рядом с трупом какую-то часть времени. Как заклинание она повторяет: *We couldn't stop in the desert. <...> She can get buried in a nice green place. She got to layer head down in California. <...> The fambly hadda get across* (Steinbeck, 1978, p. 243). / *«Нам нельзя было останавливаться посреди пустыни. <...> Ее надо похоронить там, где зелено, красиво. Пусть хоть ляжет в землю*

Калифорнии. <...> Семье **надо было** проехать пустыню» (Стейнбек, 2022, с. 303). *“We got to git,” she said. “We got to find a place to stay. We got to get work an’ settle down”* (Steinbeck, 1978, p. 254). / «**Надо** ехать, – сказала она. – **Надо** выбрать хорошее местечко для привала. **Надо** найти хорошую работу, устроиться» (Стейнбек, 2022, с. 318).

Широкое употребление модальных глаголов с семантикой *logical assumption* / логическое предположение (*couldn't* (= could not), *can't* (= can not, not to be unable (CDAE)) и *necessity* / необходимость (*get to* (= to need to), *have to* (= to need to or be forced to; must (CDAE))) в словах матери указывают на острое понимание важности и необходимости добраться поскорее до Калифорнии, несмотря ни на что.

Ее девиз – «все преодолеем, главное – быть вместе»: *All we got is the family unbroken. Like a bunch of cows, when the lobos are ranging, stick all together. I ain't scared while we're all here* (Steinbeck, 1978, p. 188). / У нас только и осталось, что **семья**, когда волки нападают на стадо, коровы держатся кучкой. **Мне ничего не страшно, пока мы вместе** (Стейнбек, 2022, с. 224). Слово *unbroken* является производным от слова *to break* – *to separate from someone suddenly* (CDAE) / *разделять, отделять*; *unbroken* – *not separated* (CDAE). / *не разъединены*. Лексическая единица *unbroken* имеет экспрессивную коннотацию, основанную на том, что, как отмечает И. В. Арнольд (2002, с. 168), с помощью отрицательной приставки создается «сжатый контраст». Выразительность высказывания матери повышается за счет употребления образного сравнения единой семьи со стадом коров, которое держится вместе в минуты опасности (*Like a bunch of cows, when the lobos are ranging, stick all together*). Сравнение выполняет изобразительную функцию, наглядно репрезентирует понимание важности сохранить семью в трудное время. Лексическая единица *not scared* (*to scare* – *to feel frightened* (CDAE) / *не напугана*) имеет эмоциональную коннотацию и передает эмоциональное состояние матери, для которой семья – это святое, и она ничего не боится, когда они вместе. В. В. Ощепкова (2004, с. 302) отмечает, что и сейчас Юг в сознании большинства американцев предстает как регион, где семья более прочная, где люди сохранили нравственные ценности, основанные на христианских принципах.

Автор романа постоянно подчеркивает присущую матери как представителю целого поколения разоренных фермеров установку на необходимость приходить друг другу на помощь. Когда Сейри Уилсон отказывается от помощи, мать говорит: *“Each'll help each, an' we'll all get to California”* (Steinbeck, 1978, p. 169). / **Станем помогать друг другу и как-нибудь доберемся до Калифорнии** (Стейнбек, 2022, с. 196). *“We gonna see you through. You said yourself, you can't let help go unwanted”* (Steinbeck, 1978, p. 169). / **Ничего, доедете, мы о вас позаботимся. Вы же сами говорили, что от помощи нельзя отказываться** (Стейнбек, 2022, с. 197). Лексические единицы *help*, *see through* относятся к семантическому полю «помощь»: *help* – *to make it possible or easier for someone to do something* (CDAE) / *помогать*; *to see through* – *to support someone through a difficult time* (CDAE). / *поддержать кого-либо в трудной ситуации*. Следует отметить, что слово *help* отличается частотностью употребления в романе и акцентирует внимание на духовной реальности народа, ярким представителем которого является мать.

Создание образа матери в романе невозможно представить без указания на реалии быта (жилище, одежда, пища, напитки, обычаи и традиции). Описывая внешность матери, Том отмечает: *She wore a loose Mother Hubbard of gray cloth* (Steinbeck, 1978, p. 101). / На ней было свободное серое **платье** «**Мамушка Хаббард**» (перевод выполнен автором статьи. – Г. К.). В комментарии В. А. Кухаренко (1978, с. 495) находим: *Mother Hubbard* – свободного покроя платье, присборенное от высокой кокетки. Фасон так называется по имени популярной героини детских стишков. Слово *Mother Hubbard* относится к безэквивалентной лексике, содержащей культурный компонент значения. По словам В. В. Ощепковой, «входящие в эту группу лексические единицы, являясь образными наименованиями, представляют собой “лингвокультураны”, концентрированно выражающие особенности семантики языка и требующие для своего распрямления сочетания лингвистических и лингвострановедческих знаний, “фоновых знаний”» (2004, с. 94-95). *Mother Hubbard* – имя собственное в значении нарицательного. Функция языковой реалии – передача атмосферы времени, в котором разворачиваются события в романе, а временное измерение является одним из критериев специфики национальной культуры. Языковые реалии в романе – это один из способов освоения топографического хронотопа, под которым П. Х. Тороп понимает вид хронотопа, связанного с узнаваемостью конкретного исторического времени, места и события (Цит. по: Былкова, 2011).

Семья Джоудов и другие переселенцы постоянно употребляют кофе. Денотативное значение слова «кофе» в различных языках идентично (крепкий бодрящий напиток), но ассоциации – различны. В интернет-источниках находим, что для американцев кофе – это не только символ общения, но и символ свободы, поскольку отправной точкой, послужившей распространению в США кофе как напитка, стало «Бостонское чаепитие» – протест против британского господства. Кофе также был распространенным напитком на полях сражений на протяжении всей Гражданской войны. Более того, в 1920-1939 гг. в Америке случился бум на кофе из-за сухого закона, напиток стал обычной заменой алкоголя. В США кофе был доступнее, чем многие продукты питания, и его использовали как способ согреться и поднять настроение в условиях лишений закона (Кофейные традиции..., 2019; Культура потребления кофе...).

Без этого напитка невозможно представить быт переселенцев, мать постоянно варит кофе: *The coffee began to turn over in the galoon can, and the smell of coffee rose from it* (Steinbeck, 1978, p. 311). / **Кофе** начинал **закипать** в большой консервной банке, и от нее потянуло **кофейным** ароматом (Стейнбек, 2022, с. 404). На первые заработанные деньги мать отправляется в лавку, чтобы купить самые необходимые продукты – мясо, хлеб и кофе: *Ma said, “What'll you like to eat?” “Meat,” said Tom. “Meat, bread an' a big pot a coffee with sugar in”* (Steinbeck, 1978, p. 376). / «А чего тебе хочется?» – «Мяса», – ответил Том. «Мяса, хлеба и **кофе** с сахаром» (Стейнбек, 2022, с. 497). *Ma opened the stove and put a kettle inside, down next to the coals, and she measured water and coffee into it* (Steinbeck, 1978, p. 136). / Мать открыла плиту, поставила кофейник поближе к углям, налила в него воды

и всыпала **кофе** (Стейнбек, 2022, с. 148). *Ma said excitedly, "With four men a workin' maybe I can get some credit right off. Fust thing I'll get is **coffee**, 'cause you been wanting that"* (Steinbeck, 1978, p. 369). / *Мать взволнованно заговорила: «Если вы устроитесь все четверо, может, лавка отпустит мне в долг. Перво-наперво возьму **кофе** – вы по нему соскучились»* (Стейнбек, 2022, с. 487). Лексическая единица *coffee* относится к коннотативным реалиям, под которыми, согласно В. В. Ощепковой (2004), понимаются обычные слова, обладающие в разных языках дополнительными значениями, обусловленными национально-культурными факторами, связанными с традициями, бытом, обычаями народа-носителя языка. Функция коннотативной реалии *coffee* – создание локально-темпоральной атмосферы иной культуры.

Кофе в романе также символизирует гостеприимство. Мать предлагает кофе главе поселения, который пришел познакомиться с семьей Джоудов: *"Say – is that your **coffee** smells so good?" Ma smiled. "Does smell nice, don't it?" <...> The little man grinned at her. "I had my breakfast. But I'd sure like a cup of that **coffee**. Smells so good"* (Steinbeck, 1978, p. 313). / *«Чем это у вас так вкусно пахнет – **кофе** варите?» Мать улыбнулась. «Правда вкусно?» <...> Джон Роули широко улыбнулся ей. «От **кофе** не откажусь. Уж очень вкусно пахнет»* (Стейнбек, 2022, с. 406). Когда комитет женщин навещает Джоудов, в знак гостеприимства мать также предлагает им выпить кофе: *I'd be proud to have you ladies come an' set while I **make up some coffee*** (Steinbeck, 1978, p. 320). / *Вы посидите, пожалуйста, а я **приготовлю кофе** и угощу вас – для меня это большая честь* (Стейнбек, 2022, с. 417).

В целом культурным компонентом лексического значения слова *coffee* в контексте романа можно считать следующую информацию: кофе играл важную роль в повседневной жизни американцев во времена Великой депрессии, обеспечивая временное облегчение от трудностей, а для матери этот напиток позволял создать хоть какой-то комфорт, тепло для членов семьи и возможность проявить гостеприимство.

Еще одной коннотативной реалией, широко употребляемой в романе, является лексическая единица *tin*, в которой культурно-значимая информация концентрируется в коннотативном значении. Коннотативный аспект значения – это дополнение денотативного аспекта разнообразными сведениями: ассоциативно-фонового, культурно-исторического или мировоззренческого характера. «Содержание национально-культурной (культурно-исторической) коннотации», как отмечает В. Н. Телия, «представляет собой соотношение языковых значений с тем или иным культурным кодом, которым обладают представители определенной лингвокультурной общности» (1996, с. 219).

Лексическая единица *tin* / *олово*, обозначающая металл, из которого сделана посуда семьи Джоудов, часто употребляется в романе при описании быта семьи: *Ma poured a **tin cup** of coffee* (Steinbeck, 1978, p. 313). / *Мать налила в **оловянную кружку** кофе* (Стейнбек, 2022, с. 406). *Ma wiped the **tin dishes** and stacked them* (Steinbeck, 1978, p. 315). / *Мать вытирала **оловянные тарелки**, ставила их одна на другую* (Стейнбек, 2022, с. 41). *Ma put a sheet of newspaper over the **tin plate*** (Steinbeck, 1978, p. 41). / *Мать накрыла оловянную тарелку газетой* (Стейнбек, 2022, с. 553). *She moved forward cautiously, thrust her package into the hole, and took back the empty **tin plate*** (Steinbeck, 1978, p. 415). / *Она осторожно подошла туда, сунула в отверстие свой сверток и взяла стоявшую там **оловянную тарелку*** (Стейнбек, 2022, с. 55). *She heard him unwrap his **tin plate*** (Steinbeck, 1978, p. 416). / *Она услышала, как он снимает бумагу с **оловянной тарелки*** (Стейнбек, 2022, с. 556).

Частый повтор названия металла, из которого изготовлена посуда переселенцев, неслучаен. Для выяснения культурной семантики слова в контексте романа обратимся к дополнительным источникам, информирующим о том, что *tin* / *олово* является важной частью истории американской культуры и быта. Оно использовалось в США еще с момента прибытия первых поселенцев для изготовления посуды, поскольку в то время олово было доступным и недорогим металлом. В первой половине 20 века, когда происходит действие романа, оловянная посуда была достаточно популярна в США, она обладает рядом полезных свойств, таких как прочность и безопасность для здоровья, так как не вступает в реакцию с пищей (Tin, the Dominant Material..., 2023).

Для сравнения ассоциаций со словом *олово* в русской культуре обратимся к статье В. С. Кучко (2022), в которой автор отмечает, что олово проникло в быт русского общества в XVII веке и оловянная утварь использовалась в царском и патриаршем хозяйстве, в домах бояр и купцов, а также в монастырях и церквях. Позже, когда в России были открыты цехи по обработке олова, оловянные изделия вошли в быт не только высшего сословия. Благодаря своей дешевизне изделия из олова стали использоваться в быту – в основном из него изготавливали посуду, ювелирные украшения. Однако в последней трети XVIII века олово в качестве металла, обслуживающего бытовые нужды в России, было вытеснено керамикой и стеклом (Кучко, 2022, с. 241-258.). Отсюда следует, что оловянная посуда в первой половине XX века в русском быту использовалась не так широко, как в американском.

Частое упоминание оловянной посуды в романе можно интерпретировать не только как стремление охарактеризовать быт переселенцев с исторической достоверностью, но и как намерение передать следующий смысл. Слово *tin* с семантикой прочности символично выражает проявление стойкости матери в испытаниях: подобно прочному металлу, она отвечает трудностям тем, что принимает вызов. Пользуясь терминологией Ю. М. Лотмана, можно определить символ олова в романе как «глубинное кодирующее устройство», один из «наиболее устойчивых элементов культурного континуума», «важный механизм памяти культуры» (1999, с. 145-148).

В. А. Кухаренко (1988, с. 44) отмечает, что слова, обозначающие предметы быта, блюда национальной кухни, названия обычаев, обрядов, объектов, характерных только для определенных условий, имеют социологическое или этническое значение. По мнению исследователя, социолингвистическое значение слова обеспечивает ассоциативный простор восприятия при экономии языковых средств, а также наглядность и достоверность изображаемого мира (Кухаренко, 1988, с. 45). Таким образом, лексические единицы *coffee*

и *tin* в романе кодируют этнокультурную информацию, имеют культурные коннотации и благодаря им читатель узнает конкретное историческое место и время.

Значимым способом создания образа матери в романе становится ее речевая характеристика. Как справедливо отмечал М. М. Бахтин, «речевые характеристики» героев имеют наибольшее художественное значение для создания объектных и завершенных образов» (1963, с. 243). В отношении речи героев романа Стейнбек писал, что ему надоели книги, где рабочие изъясняются, как преподаватели колледжа (Злобин, 1978, с. 27). Именно поэтому речь матери в романе «Гроздь гнева» передает особенности американского просторечия и диалектные особенности, присущие жителям южных штатов (Кухаренко, 1978).

Считается, что южный диалект объединил в себе особенности речи британских переселенцев и черных рабов. Английский язык южных штатов США отличается протяжным произношением (манерной медлительностью речи), южане растягивают последний звук каждого слова, поэтому южный диалект довольно музыкален (Ощепкова, 2004, с. 55). Эту особенность речи матери в романе отмечает ее сын: *Tom heard his mother's voice, the remembered cool, calm drawl, friendly and humble* (Steinbeck, 1978, p. 100). / *Том услышал голос матери, который он хорошо помнил: спокойный, сдержанный, звучащий протяжно, покорно и дружелюбно* (перевод выполнен автором статьи. – Г. К.). Обратимся к толковому словарю: *drawl – a way of speaking esp. in the southern US in which some vowel sounds are lengthened and which therefore seems slower than usual* (CDAE). / *говорить нараспев, произносить гласные протяжно – характерная особенность речи на Юге США*. Слово *drawl* указывает на соответственность с произносительной характеристикой национального словесного образа. Исследователи отмечают, что и в наши дни южане гордятся своим необычным произношением как признаком уникальности региональной принадлежности и культурного наследия (Ощепкова, 2004; Кухаренко, 1978).

Приведем несколько примеров грамматических, фонетических и лексических отклонений от нормы, характерных для малограмотной, сниженной речи матери. Универсальная форма *ain't* заменяет отрицательную форму вспомогательного и связочного глагола во всех временах, например: *"You ain't gonna baptize?"*, *Ma asked* (Steinbeck, 1978, p. 119). / *«И крестить не будешь?» – спросила мать* (Стейнбек, 2022, с. 123). В вопросительных предложениях опускается вспомогательный глагол: *All full now, ya say?* (Steinbeck, 1978, p. 266). / *Говоришь, там сейчас полно?* (Стейнбек, 2022, с. 337). Допускается многократное отрицание в одном предложении: *That wasn't never Granma's way* (Steinbeck, 1978, p. 254). / *Это не по-бабкиному* (Стейнбек, 2022, с. 318), также допускаются нарушения произносительной нормы, например, упрощение конечных групп согласных *"You jus' take that stuff I tol' you, Tom"* (Steinbeck, 1978, p. 132). / *Ты все это собери, Том* (Стейнбек, 2022, с. 142).

Таким образом, речевой портрет матери носит ярко выраженный социальный характер. Однако ее речь обнаруживает и определенные синтаксические особенности, выражающие различные душевные состояния в момент речи. Так, в размышлениях о планах на ближайшее будущее она говорит: *Wouldn't it be nice if the men-folks all get work? <...> Them a working, an' a little money comin' in? <...> Them a-workin', an' us working here <...> Fust thing we get a little ahead I'd get me a little stove <...> An' then we'd get a tent <...> An' we'd use this here tent jus' to eat under* (Steinbeck, 1978, p. 327). / *Вот бы хорошо, если б наши получили работу <...> Будут работать, будут хоть немного денег домой приносить. <...> Они будут работать на стороне, а мы здесь. <...> Вот оправимся немного, куплю печку <...> Потом купим настоящую палатку <...> А под брезентом будем есть* (Стейнбек, 2022, с. 428). Синтаксический параллелизм в монологе матери отражает ее спокойную рассудительность. По дороге мать становится главой семейства, в ее речи часто встречаются императивы: *Come on, roll out. We got to be on our way <...> Come on, all of you. <...> Jus' get up, an' we'll load the truck. Come on now. Don't make no noise. Don' wanta wake the neighbors* (Steinbeck, 1978, p. 363). / *Поднимайтесь, вылезайте отсюда. Пора ехать <...> Вставайте, вставайте. <...> Ну поднимайтесь, надо грузить вещи. Только потише, а то соседей разбудите* (Стейнбек, 2022, с. 480). Повелительные предложения отражают уверенную собранность и решительность матери, связанные с желанием поскорее отправиться к новому месту в надежде получить работу. Отсюда следует, что синтаксис в речи матери передает различные оттенки и повороты ее душевных движений и настроений в момент «говорения». Рассудительность и собранность матери выражаются в какой-то мере типизированными (в силу их повторяемости) интонационно-синтаксическими построениями – параллельными конструкциями и повелительными предложениями.

Проведенный лингвокультурологический анализ языковых средств создания образа матери в романе «Гроздь гнева» демонстрирует связь языка и внеязыковой действительности, отраженной в произведении. Слова, имеющие культурный компонент в своем значении, сопряжены с культурой, историей, традициями, нравами и обычаями носителей языка. Наиболее ярко отражают национальное сознание, своеобразие культуры поколения разорившихся фермеров языковые реалии и лексика, отличающаяся эмоционально-эстетическими ассоциациями культурно-исторического или мировоззренческого характера, использованная для создания образа матери.

Заключение

Таким образом, в соответствии с поставленными задачами, был проведен анализ исследований образа матери в романе «Гроздь гнева» в современных работах отечественных ученых, в результате которого мы пришли к выводу, что в центре внимания исследователей находятся ключевые аспекты данного образа

и лингвистические средства его создания. Это позволяет заключить, что образ матери в романе «Гроздь гнева» с точки зрения культурной специфики изучается впервые в нашей работе.

Изучение особенностей лингвокультурологического подхода к тексту указало на важность рассмотрения текста как феномена культуры, специфика которой проявляется прежде всего в отношении людей к себе и окружающим, во временном измерении, в социальном и личном пространствах, что обозначило необходимость выявления маркеров лингвокультурологической специфики интерпретации исследуемого художественного образа.

В ходе анализа, согласно поставленным задачам, выявлены языковые средства формирования образа матери в романе «Гроздь гнева», имеющие отношение к духовной и материальной культуре поколения разорившихся американских фермеров, ярким представителем которых является мать. Во-первых, это единицы текста, указывающие на религиозность матери как основного источника ценностей (например, ее категоричное заявление *We always been Holiness*; постоянное обращение к Всевышнему *Thank the dear God, Pray Jesus*; выбор библейского имени для дочери *Rosasharm*). Во-вторых, к языковым средствам создания образа матери, соотношенным с национальной картиной мира, следует отнести текстовые единицы, отражающие ее гордость за своих предков и за свой народ (например, *In my Country; Where I come from; We don't look up to nobody; Grampa's grampa, he fit in the Revolution*). В-третьих, ярко выраженную национальную окраску имеют языковые единицы, выражающие отношение матери к трудностям дороги, открывавшей новые возможности для разорившихся фермеров, а также текстовые единицы, раскрывающие отношение жителей штата Калифорния к жителям штата Оклахома (например, оскорбительное прозвище *Okies*). В-четвертых, национально-культурная специфика образа матери проявляется в лексике, раскрывающей лучшие черты характера поколения фермеров – готовность прийти на помощь, сострадание (так, мать часто повторяет: *Each'll help each; we gonna see you get through; You can't let help go unwanted*). Кроме того, культурным кодом обладают языковые реалии и лексика, имеющие дополнительное значение и ассоциации, обусловленные национально-культурными факторами, характеризующими быт разоренных фермеров, их одежду, посуду, еду (например, *Mother Hubbard, coffee, tin*).

В результате исследования словесного образа матери установлено, что его речевая характеристика отражает особенности американского просторечия и диалектные особенности жителей южных штатов и в то же время раскрывает типичные черты женщины, взявшей на себя всю ответственность за семью по дороге в Калифорнию – решимость, собранность и уверенность.

Лингвокультурологический анализ языковых средств, создающих образ матери в романе «Гроздь гнева», позволил понять систему ценностей, духовные величины, приоритеты и лучшие черты национального характера – духовность, готовность прийти на помощь в трудную минуту, негибаемость духа, чувство собственного достоинства и патриотизм поколения разорившихся фермеров, представителем которого является данный персонаж.

Перспектива исследования видится в лингвокультурологическом анализе художественных образов в других произведениях Джона Стейнбека с целью более глубокого понимания типичных картин жизни американцев в описываемую эпоху.

Материалы исследования | Research materials

1. Библия о терпении: цитаты, стихи и места в Новом Завете. <https://icocnews.ru/lessons/biblija-o-terpenii-citaty-stihi-i-mesta-v-novom-zavete.html>
2. Кофейные традиции в Соединенных Штатах Америки. 2019. <https://vk.com/@japanese.coffee-koфейnye-tradicii-v-soedinennyh-shtatah-ameriki-chast-1>
3. Культура потребления кофе в странах Америки. Соединенные Штаты Америки // Чайкофф № 1. <https://chaicoff.ru/about/reading/kultura-potrebleniya-koфе-v-stranah-ameriki-soedinennye-shtaty-ameriki>
4. Отчаяние // Библейский словарь Геце. 1997. <https://bible.by/lexicon/gece/>
5. Стейнбек Дж. Гроздь гнева: роман / пер. с англ. Н. Волжиной. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022.
6. Терпение – Слово Божие (цитаты из Библии). <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/tsitaty-iz-biblii/606>
7. Томахин Г. Д. США. Лингвострановедческий словарь. Изд-е 3-е, стер. М.: Русский язык, 2001.
8. Цветник духовный: назидательные мысли и добрые советы, выбранные из творений мужей и мудрых святых. Владимир: Изд-во Владимирской епархии, 2003.
9. Cambridge dictionary of American English. Cambridge: Cambridge University Press, 2000 (CDAE).
10. Steinbeck J. The Grapes of Wrath. M.: Progress Publishers, 1978.
11. Tin, the Dominant Material of 19th-century America. 2023. <https://www.thehenryford.org/explore/blog/tin-the-dominant-material-of-19th-century-america>

Источники | References

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2002.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994.
3. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. М.: Ad Marginem, 1999.
4. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963.

5. Беляева Е. В. Этика: курс лекций. Мн.: Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, 2002.
6. Беценко Т. П. Взгляд на лингвокультурологический анализ художественного текста как вид учебной деятельности в системе современного гуманитарного образования // Человек в социокультурном измерении. 2021. № 1.
7. Былкова Г. В. Исследования художественного хронотопа в отечественной и зарубежной лингвистике // Язык как структура и социальная практика: межвузовский сборник научных трудов. Хабаровск: Изд-во Дальневосточного государственного гуманитарного университета, 2011. Вып. 10.
8. Ворошкевич Д. В., Казанникова Д. П. Пособие по лингвокультурологическому анализу текста. М.: Московский педагогический государственный университет, 2016. <https://mybook.ru/author/darya-voroshkevich/pособие-polingvokulturologicheskomu-analizu-tekst/read/>
9. Гадамер Х. Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
10. Гаспаров М. Л. Лотман и марксизм // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. https://sceptis.net/library/id_727.html
11. Дудек М. Культура и личность в дискурсе представителей серебряного века (Дмитрий Мережковский, Михаил Гершензон, Вячеслав Иванов) // Язык и культура: вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе: материалы научно-практической конференции. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2014.
12. Жук М. Перевернутый мир Джона Стейнбека в «Гроздьях гнева» // London Cult: журнал о жизни Лондона и Великобритании. 2024. <https://londoncult.co.uk/perevyornutyj-mir-dzhona-steinbeka-v-grozdyah-gneva/>
13. Задорнова В. Я. Восприятие и интерпретация художественного текста. М.: Высшая школа, 1984.
14. Злобин Г. П. Как зрели «Гроздья гнева» // Steinbeck J. The Grapes of Wrath. М.: Progress Publishers, 1978.
15. Карпухина Т. П. Морфемный повтор в художественном тексте в свете общестетической теории игры: монография. Хабаровск: Дальневосточный государственный гуманитарный университет, 2006.
16. Кацитадзе И. М., Жарина О. А. Лингвокультурологическая характеристика образа «светской» женщины в романе Л. Вайсберг «Дьявол носит Prada» // Baltic Humanitarian Journal. 2023. Т. 12. № 3 (44).
17. Кремнева А. В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры: монография. Барнаул: Алтайский государственный университет им. И. И. Ползунова, 2017.
18. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988.
19. Кухаренко В. А. Комментарий // Steinbeck J. The Grapes of Wrath. М.: Progress Publishers, 1978.
20. Кучко В. С. Олово в русской традиционной культуре: историко-лингвистический очерк // Шаги / Steps. 2022. № 8 (3).
21. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999.
22. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.
23. Луговской А. В. Функционирование образа острова в английской художественной литературе // Язык как структура и социальная практика: межвузовский сборник научных трудов. Хабаровск: Изд-во Дальневосточного государственного гуманитарного университета, 2011. Вып. 10.
24. Михайлов Н. Н. Теория художественного текста. М.: Академия, 2006.
25. Николина Н. Н. Образ матери в современной англоязычной литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 4. <https://doi.org/10.30853/phil20250181>
26. Осьмухина О. Ю. Проблема человека в романах Дж. Стейнбека «Гроздья гнева» и «Зима тревоги нашей» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3-1 (81). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-3-1.10>
27. Ощепкова В. В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М. – СПб.: ГЛОССА/КАРО, 2004.
28. Павельева Т. Ю., Бурова А. А. Собираемый образ матери в американской литературе (на примере романа Джона Стейнбека «Гроздья гнева») // Литературоведение. 2024. Вып. 18 (42).
29. Рябченко Н. Н., Санькова А. А. Лингвокультурологический анализ художественного текста на уроках русского языка и литературы в старших классах // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 5. Вып. 2.
30. Сайфулина М. Н. Образ матери в романе Энн Энрайт «Собрание» // Филология и культура. 2017. № 1 (47).
31. Самохина Т. С. Эффективное деловое общение в контекстах разных культур и обстоятельств. М.: Р. Валента, 2005.
32. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
33. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
34. Тихонова О. Н. Образ «Ма Джоуд» в романе Джона Стейнбека «Гроздья гнева» // Вестник магистратуры. 2012. № 11 (14).
35. Храпченко М. Б. Горизонты художественного образа. М.: Художественная литература, 1986.
36. Цигвинцева Г. Л. Религиозная вера как детерминанта ментальности // Философские науки. 2014. № 4 (45).
37. Шамякина С. В. Предметная классификация литературных художественных образов // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2022. № 2.

38. Щербашина И. В., Уракова Ф. К., Жажева Д. Д., Пханаева С. Н. Теоретико-методические основания использования лингвокультурологического анализа художественного текста в практике преподавания языковых дисциплин // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Т. 14. № 4.
39. Frye N. *Anatomy of criticism*. N. Y., 1973.
40. Jameson F. *Political Unconscious*. Ithaca, 1981. <https://bigenc.ru/b/the-political-unconscious-2ecdce>
41. Luthans F., Dianne H. B. Welsh. What do Russian Managers Really Do? // *Journal of International Business Studies*. 1993. Vol. 24. № 4.

Информация об авторах | Author information

Коваленко Галина Федоровна¹, к. филол. н.

¹ Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

Galina Fedorovna Kovalenko¹, PhD

¹ Pacific National University, Khabarovsk

¹ kovalenkogf@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.12.2025; опубликовано online (published online): 27.02.2026.

Ключевые слова (keywords): культурный код; образ матери; этнокультурное пространство; духовная и материальная реальности; речевая характеристика; cultural code; image of the mother; ethnocultural space; spiritual and material realities; speech characteristics.